

И. Е. Лоцилов

Новосибирск, Россия

**ГОВОРЯЩИЙ КОРНЕПЛОД:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ Д. И. ХАРМСА
«ОТ ЗНАКОВ МИГ» (1931)**

Статья посвящена анализу стихотворения Даниила Хармса «От знаков миг» (1931). Экзотический сюжет стихотворения восходит к сказке Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Королевская невеста» (1821), героем которой, как и в стихотворении Хармса, является волшебным образом ожившая морковь. Хармс переносит действие в Советскую Россию и поэтически трансформирует сюжет немецкой сказки на основании принципов редукции, инверсии и диффузии.

Ключевые слова: Гофман, гофманиана, поэзия, сказка, сюжет, Хармс.

...Ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это все равно что спросить: что такое морковь? Морковка есть морковка и больше ничего неизвестно.

*Из письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой
20 апреля 1904 г.*

Стихотворение Даниила Хармса «От знаков миг», написанное 8–10 мая 1931 г., вряд ли можно отнести к самым совершенным творениям поэта. Не будет, однако, натяжкой считать его одним из самых загадочных, даже на фоне характерной для Хармса экстравагантности.

Стихотворение начинается пространным монологом *вылетающей из земли...* Моркови. В беседу с говорящим корнеплодом вступает персонаж, называемый Всех Сын. Текст стихотворения-диалога состоит из одиннадцати реплик этих

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН; доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения литературы Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630124, Россия; loshch@yandex.ru)

причудливых «собеседников» (шесть принадлежат Моркови, пять – Всех Сыну) разного объема, стиховой природы¹ и эмоциональной окраски. Двум последним монологам предшествуют краткие реплики, произнесенные пятью чувствами: Осязанием, Вкусом, Обонянием, Зрением и Слухом; последние два – более «возвышенные» чувства – выступают дуэтом.

Стихотворение печатается в двух незначительно различающихся транскрипциях [1, с. 202–206; 2, с. 202–206]. Оба публикатора указывают на существование черновых вариантов и белого автографа, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) [1, т. 1, с. 387; 2, с. 554].

При всей уникальности сюжетной предпосылки, согласно которой морковка может покинуть грядку, а также обрести дар речи и отчасти антропоморфный облик, – она не вовсе беспрецедентна в европейской литературе Нового времени и отсылает к другому тексту.

Это сказка Э. Т. А. Гофмана «Королевская невеста» («Die Königsbraut», 1821), входящая в состав 8-го раздела четвертого тома романа «Серапионовы братья». История, изложенная в шести главах и снабженная подзаголовком «Сказка, основанная на действительном событии» («Ein nach der Natur entworfenes Märchen»), приписана Гофманом перу брата Винцента. Нет сомнений, что Хармсу, получившему в детстве элитное немецкое образование, сказки Гофмана были знакомы с ранних лет. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. роман, название которого и без того было на слуху в литературном мире, мог актуализироваться благодаря выходу собрания сочинений немецкого писателя, в третьем томе которого был напечатан русский перевод «Королевской невесты» [3, с. 305–352].

Героиня сказки, юная фрейлейн Аннхен, дочь астролога и каббалиста Дапсуля фон Цабельтау, становится жертвой злых чар «моркового гнома» – барона Порфирио фон Океродастеса, по прозвищу Кордуаншпиц. Подобно крошке Цахесу из более популярной сказки, это – оборотень, наделенный чертами кобольда из народных поверий, и альрауна, ожившего человекообразного корешка. Потерянное фрейлейн Аннхен на грядке в детские годы золотое колечко оказалось залогом ее грядущего брачного союза с уродливым бароном, который называет себя королем всех овощей Даукусом Каротой Первым [4, с. 133] (в издании 1929 г. – Даукус Морковь Первый [3, с. 333])². Магия Дапсуля фон Цабельтау оказывается бессильной, однако победу над злонамеренным оборотнем одерживает жених фрейлейн Аннхен, студент и поэт Амандус фон Небельштерн, попросту уморивший короля овощей заунывной декламацией своих донельзя банальных стихов, в результате которой «Даукус Карота, громко взвизгнув, скатился, обратясь в крохотную морковку, с колен фрейлейн Аннхен, юркнул прямо в землю и в тот же миг исчез без следа» [4, с. 149].

Благодаря тотальной романтической иронии автора каббалист Дапсуль признает первенство поэта Амандуса в борьбе со злыми силами: «О мой дражайший, наидостойнейший, милейший господин Амандус фон Небельштерн! Вы сразили всю мою кабалистическую мудрость вашими могущественными стихотворными заклинаниями. То, с чем не совладали ни глубочайшее искусство магии, ни отважное мужество отчаявшегося философа, совершили ваши стихи, которые, слов-

---

¹ Как раз вслед за характеристикой этого стихотворения М. Б. Мейлах отмечает во вступительной статье: «В этот период стих Хармса заметно раскрепощается – на смену более ранним любимым обэриутами хорейским размерам приходят более свободные формы и даже верлибр» [2, с. 32].

² Гофман производит имя и титул от латинского названия дикой моркови по классификации Карла Линнея: *Daucus carota* [4, с. 212].

но крепчайший яд, впитались в тело предательского Даукуса Кароты, и он, невзирая на свою гномическую природу, погиб бы самым жалким образом от резы в животе, когда б не поспешил уйти в свое царство» [Там же]³.

В статье А. А. Морозова, сопровождающей академическое издание сказки, отмечено, что сведения о таинственных браках людей со «стихийными духами» Гофман и другие немецкие романтики черпали в приписываемом Парацельсу трактате «О нимфах, сильфах, гномах и саламандрах» и в анонимно изданной книге «Граф Габалис, или Разговоры о тайных науках» (1670), написанной богословом и авантюристом Вилларом де Монфоконом («Граф Габалис – вымышленное имя, образованное путем замены начальных букв названия книги “Кабала”» [4, с. 164]).

Читатель, знакомый с творчеством Хармса, без труда отметит пересечения его интересов с сюжетом гофмановского каприччио: это и «оккультные науки», и понимание поэзии как своего рода магии, способной содействовать в разрешенных жизненных коллизиях. Подтекст «любовного треугольника», где победителем выходит *поэт*, позволяет ввести «От знаков миг» в круг сочинений не столько эстетического, сколько жизнетворческого характера: с помощью творений такого рода Хармс стремился магическим образом воздействовать на свои драматические отношения с первой женой, Эстер Русаковой.

В финале первой из глав сказки Амандус посылает своей возлюбленной сочиненный им сонет, увенчанный пышной метафорой: «Вскипает сердце и исходит кровью, / А сердца кровь – сладчайший корень в мире» [4, с. 114]. Далекая от искусства поэзии, зато сведущая в вопросах огородничества и кухни фрейлейн Аннхен, прочитав письмо, прижимает его к губам и говорит: «– Ах, как мило, как красиво! И прелестные стишки, все так в рифму. Ах, если б я была такой умной, чтобы понять все хорошенько, но, наверное, это могут только студенты. А что тут, собственно, означает “сладчайший корень»? Ах, должно быть, он говорит о длинной красной английской моркови или даже о рапунтике, – какой милый!» [Там же, с. 115].

Могла отозваться и память Хармса об участии в экспериментальном театре «Радикс» (1926)⁴.

М. Б. Мейлах отмечал: «В стихотворении “От знаков миг” своеобразный мистицизм Хармса <...> сочетается с причудливо преломленными сквозь призму обэриутской поэтики социальной темой и постоянными для этого периода мотивами “науки – мудрости княгини” и ее принципиальной недостаточности в иерархии форм познания» [2, с. 32].

Социальная тема представлена в первую очередь обсуждением значения пятиконечной звезды, а гносеология – диалогом о взаимной недостаточности перцептивного (органы чувств) и ментального (постижения «тайного значения» знаков) «опыта» как человека, так и корнеплода. Глубинная интенция автора, кажется, находит выражение в последних словах *В с е х С ы н а*: «А я спасусь от пяти чувств / И от нашествия геометрических знаков» [1, т. 1, с. 205].

³ Здесь и далее в цитатах сохраняются орфографические и пунктуационные особенности цитируемых источников.

⁴ Ж.-Ф. Жаккар пишет о происхождении названия «Радикса»: «Наиболее подходящим, без сомнения, является объяснение, которое относит это слово к латинскому “radix”, означающему “корень”; это, с одной стороны, приводит нас к истокам театральной традиции, с другой же – к первоначальному характеру всякого художественного творчества, которое обязано быть тем нулем, с которого начинается жизнь» [5, с. 208]. В сказке Гофмана морковный барон дерется на шпагах с большеголовым герцогом-редиской [4, с. 139–140] (русское слово *редис*, как и немецкое *Radiese* [*Rettich*, *Radieschen*] восходит к латинскому *radix*).

Создание стихотворения представляется, таким образом, своего рода актом охранительной магии, направленным на защиту от последствий как семейной драмы, так и принципиального несовпадения с политикой и идеологией государства. Обе линии в первой половине 1931 г. находятся в стадии кризиса и вскоре зайдут в тупик: впереди окончательный разрыв отношений с Эстер и арест в декабре того же года.

Ряд признаков роднит «От знаков миг» с написанным в 1930 г. произведением «Лапа», значительно большего объема [1, т. 1, с. 128–145]. В работе, подводящей итог исследованиям «Лапы», говорится, что с некоторой точки зрения сюжет этого достаточно хаотического сочинения мог бы быть сведен к «атомарному»: «Земляк слетал <на> небо за звездой и вернулся» [6, с. 309]. «От знаков миг» реализует сходный сюжет на ином пространственном ярусе: «М р к о в ь покидает грядку, совершает полет вместе с В с е х С ы н о м и возвращается обратно в почву». По мере приближения к репликам органов чувств концентрируется «лексическая память» о «Лапе»: *лебеди, дерево, ландыш, земляк. Морковь*, в свою очередь, присутствует и в тексте «Лапы» (во втором из случаев слово подвергается фонетической мутации)⁵: «В гробу лежит человек, от смерти зеленой. Чтобы казаться живым, он все время говорит. “Чтобы сварить суп, надо затопить плитку и поставить на нее кастрюлю с водой. Когда вода вскипит, надо в воду бросить морковь и... нет стрелу и фо... нет надо в воду положить карету. Хотя это уже не то”. Судя по тому что говорил человек, он был явно покойник» [1, т. 1, с. 132]; «П о к о й н и к . Ы л ы ф з у б ф о л о ж и т ь м р о к о в ь . Ы л ы с п р ж у . Ы л ы б у к в а р ь . Ы л ы д р ы д н о у т » [Там же, с. 134].

Во время чтения А. И. Введенским в 1929 г. его несохранившегося романа «Убийцы вы дураки» Хармс сделал запись: «Жили были два врага. М. Гофман... Традиция прошлого века. Да да Съезжинская. С одной стороны невольно связывает сюжет и персонажи, а с другой стороны слишком много отступлений и трудно понять» [7, кн. 1, с. 306]⁶. Она свидетельствует о том, что творческой полемике с Гофманом предшествовала теоретическая рефлексия. Видимо, в восприятии Хармса усложненная композиция фантазмагорий Гофмана не отвечала ситуации XX столетия, и, кроме прочих факторов, в отталкивании от этого опыта писатель позже вырабатывал элегантно-минималистический стиль своей, не менее фантазмагорической, прозы. Может быть, почти незримым образом гофмановский подтекст присутствует уже в «Лапе»: точечное упоминание о *моркови* в контексте разбираемого стихотворения указывает на возможность прочесть «Лапу» как некую «новую гофманиану», где сюжет и персонажи связываются на принципиально иных, чем у Гофмана, основаниях. Можно предположить, что задача «переписать Гофмана» («переиродить Ирода») являлась для Хармса аргументом в споре не столько с немецким классиком прошлого столетия, сколько с Введенским –

⁵ Еще одна причудливая мутация слова *морковь* содержится в незавершенном драматургическом опыте Хармса «В е л я . – Меня зовут веля» (<1930–1931>), на связь которого с «От знаков миг» указывает комментатор [1, т. 4 (доп.), с. 222]. Фрагмент представляет собой диалог героини, называемой Веля, и персонажа, именуемого М р к о в о в : «М р к о в о в . – <...> Ты знаешь ведь, что я редька. В е л я . – Редька Мркоков. Вот это странно» [Там же. С. 221].

⁶ Нет сомнений, что речь идет об Э. Т. А. Гофмане, а не о каком-либо из его русских однофамильцев: буква *М.* здесь не инициал, но первая буква сокращенного слова (*Маэстро, Мастер, Мейстер* или *Мэтр*). Представление о «гофманиане», видимо, связывалось в восприятии Хармса с атмосферой в семье Введенского, который жил в доме на углу Съезжинской и Кронверкского проспекта (Ленинград, ул. Съезжинская, д. 37, кв. 14).

в неизвестной нам ипостаси прозаика. Однако говорить об этом можно было бы лишь предположительно.

Попробуем, оставляя по возможности за скобками вопросы биографии Хармса и его оккультных интересов, сосредоточить внимание на вопросе о процедурах, которые он проделывает с сюжетом сказки Э. Т. А. Гофмана.

1. *Русификация*. В первой же реплике *Моркови* перечислены варианты выбора пространства для экспансии: «Дайте мне возможность посчитать блага народов. / Что-то силен турков ропот, / Немцев с ангелами прерывания. / Слышу я французов опыт / Земледельческих расчетов, / Англичан возмущение за травлю быка. <...> / Тут русских дела чище, / К ним я кинусь учить азбуки» [1, т. 1, с. 203]. (Ср. соседство *моркови* и *букваря* в «Лапе».)

Контекст гофмановского источника выделяет в этом ряду, где, может быть, зашифрованы и намеки на газетную злобу дня⁷, стих «Немцев с богом прерывания», содержащий эффектный неологизм – контаминацию *пререкания* и звериного *рыка*. Вне этого контекста он вызывал бы в первую очередь ассоциации с Ницше («Бог умер»), а благодаря ближайшему окружению в творчестве Хармса – с Гете. В стихотворении «Месь» (20–24 августа 1930 г.), построенном на преобразованиях мотивов и сюжета «Фауста», зооморфными чертами обладают *ангелы*: «между звезд и между трав / ходят ангелы над нами морды сонные задрав» [1, т. 1, с. 152]. На этом фоне совместный полет *Всех Сына* и *Моркови* напоминает о полетах Фауста с Мефистофелем.

На этот раз *Морковь* избирает не поместье на берегу Майна, а Россию, вставшую после революции 1917 г. под знак пентаграммы: «Совершенно не случайно / Значки вырабатываются правительствами. / Пятиконечную звезду никто не станет вешать вверх ногами» [1, т. 1, с. 203]. Оккультное значение советской эмблемы занимало Хармса и прежде⁸. Согласно распространенным в знакомых Хармсу книгах по оккультизму (Папюс [G. Encausse], П. Пиобб, С. Тухолка) толкованиям, пятерка окончаний звезды означает пять чувств человека⁹, а также единство головы с четырьмя конечностями, Единицы с Четверицей (Кватернером), божественной Триады с Двоицей, означающей материю. Таким образом, «спасение» от советской символики тождественно выходу за пределы человеческого опыта, ограниченного числом *пять* во всем многообразии его толкований. *Морковь*, причастная «древнему знанию» («ведению <...> праотцев» [1, т. 1, с. 203]), говорит человеку-профану – *Всех Сыну*: «Хорошо говорить о правилах, / Пробыв на поверхности земли с рождения. / Тебе голубок сравнивать-то не с чем» [Там же, с. 204]. *Всех Сын* отвечает: «Смотри морковь, наш спор затянется. / Ты сама ведь знаешь только одну сторону дела» [Там же]. Последствия переворачивания пятиконечной звезды (««пылающей звезды» франкмасонов») «вверх ногами» Хармс мог наблюдать воочию, читая «Практическую магию» доктора Папюса («Талисманы для хороших и дурных операций»): вписанная в пентаграмму фигура первочеловека (Адама) превращается в маску козлоподобного демона.

⁷ Так, например, в конце февраля 1931 г. в советских газетах немало писалось об «аграрной конференции» в Париже («...французов опыт / Земледельческих расчетов?»).

⁸ Ср. в записной книжке 1928 г.: «Гермес – Тот (Тотем). Озирис. О-Sir-ls / Гермес-Трисмегист. / 1. Откуда взялась пятилучевая Звезда Советов? / 2. Какой силой строились «Пирамиды?»» [7, кн. 1, с. 240].

⁹ В примечаниях к «От знаков миг» М. Б. Мейлаха в качестве параллели или источника предложена пьеса В. Хлебникова «Госпожа Ленин» (1909), «где пять чувств, как и здесь, являются действующими лицами» [2, с. 554]. Хлебников появляется в качестве персонажа в «Лапе»; в то же самое время рассуждения о пяти чувствах, присущих человеку, – общее место в популярной литературе по оккультизму, знакомой как Хлебникову, так и Хармсу.

2. *Редукция*. Как отмечает Л. Г. Панова, обэриуты «в своей работе с сюжетом шли по проторенному футуристами пути. Если их более радикальные предшественники в своих программах декларировали ломку сюжета и – более того – отказ от него, то обэриуты ограничивались редукцией полноценных сюжетов до атомарных» [6, с. 308]. Из достаточно сложно организованного сюжета сказки, включающей развернутые описания ландшафта и бытовых деталей, психологические портреты персонажей, обращения к читателю, диалоги, стихотворные и эпистолярные вставки, Хармс оставляет лишь диалог, одним из участников которого является ожившая *морковь*, и мотив *окультизма* («древней науки», «тайного знания»). Такая редукция фактически зашифровывает, или, по крайней мере, тщательно камуфлирует неназванный источник стихотворения (и связанные с ним сюжетно-мотивные сцепления), сохраняя, тем не менее возможность его опознания. Сюжетное допущение, согласно которому рождение существа, подобного мистическому альрауну, связывается не с таинственным корешком мандрагоры, а с *морковью* – уникально, ибо морковь отягощена бытовыми ассоциациями, будь она овощ на грядке или ингредиент для приготовления супа¹⁰. Это допущение, вместе с тем, более естественно в жанре волшебного-сатирической сказки, к которому принадлежит «Королевская невеста», чем в стихотворном диалоге.

3. *Инверсия* (с элементами *диффузии*). Принцип *инверсии* (переворачивания «вверх ногами») явлен в работе Хармса с текстом-источником на разных уровнях.

Прежде всего, инвертируется пол: если в сказке Гофмана *морковь* становится мужским персонажем, Хармс возвращает ей соответствие грамматическому роду: как по-русски, так и по-немецки, и на латыни слова со значением ‘морковь’ – *женского рода*. *Морковь* у Хармса *жила, была, глядела*; она – *ленивая дочь гряд, монахиня, земножительница ума, кума*. Впрочем, – на основании принципа *диффузии*, – единожды она именуется в мужском роде: *пасынок подземных жрецов*.

В с е х С ы н – персонаж, который, возможно, и рожден как реализованный (персонифицированный) принцип инверсии. О героине Гофмана, составляющей пару «морковному гному», читатель может сказать со всей определенностью: это фрейлейн Аннхен фон Цабельтау, дочь Дапсуля фон Цабельтау. В противоположность *дочери* Хармсу нужен *сын*, а конкретность родства заменяется абсурдирующей всеохватностью: сыном *всех* – а не матери и отца – в буквальном смысле быть невозможно. Инвертирован и самый порядок слов: вместо более естественного *Сына всех* – *В с е х С ы н*.

Всеохватность, как можно предположить, в свою очередь, «диффузно» берет корень в пассаже о пределах власти Короля Овощей, который говорит невесте: «Узнайте, прекрасное дитя, что я один из могущественнейших королей и владею страной, границы которой скрыты ото всех, ибо их забыли означить на карте. Король овощей Даукус Карота Первый предлагает вам, о сладчайшая Анна, свою

---

¹⁰ «Дойдя до гряд с морковью, она решила, что настало время подумать о городских лакомках и копать на продажу первую морковь. <...> Но когда она потащила, раздался странный звук. Не следует думать, что это походило на тот ужасный визг и вой, какой слышится, когда выдергивают из земли корень альрауна, отчего разрывается человеческое сердце. Нет, звуки, доносившиеся из земли, походили на тонкий, радостный смех. <...> Тут фрейлейн Аннхен сняла с моркови перстень, и – странно! – морковь выскользнула у нее из рук и пропала в земле, но служанка и фрейлейн Аннхен почти совсем не обратили на это внимания, – они были погружены в созерцание великолепного перстня, который фрейлейн Аннхен, не задумываясь, надела на мизинец правой руки» [4, с. 117–118].

руку и корону. Все князья овощей – мои вассалы, и только единственный день в году, следуя древнему обычаю, правит король бобов» [4, с. 133]. При инверсии и частичном взаимопроникновении идей *власти* и *кровного родства* (*отцовство* предполагает известную *власть*) и рождается *В с е х С ы н*, во всей невозможности его существования за пределами мира стихотворения¹¹.

Еще одна инверсия связана с *воссоединением персонажей*. Если в «Королевской невесте» это *брачный союз* (состоявшийся или нет – в нашем случае несущественно), то у Хармса в последней из реплик *В с е х С ы н а* вместо предложения руки и сердца возникает намерение (возможно, осуществленное?) использовать *М о р к о в ь* как *еду*: «Не вы ли, чудная морковь, / Спешите в нашу кровь / Увеселить биенье жил?» [1, т. 1, с. 205]. Но в сказке Гофмана ожившие овощи под предводительством Моркови чуть не приготовили лакомое блюдо из несчастного каббалиста: «И тут из всех кастрюль и со всех сковородок словно посыпалась дикая орда, и сотни маленьких уродцев, величиною с палец, кинулись со всех сторон на господина Дапсуля фон Цабельтау, повалили его навзничь в большое блюдо, заправили его, облив наваром из всех посуды и посыпав рублеными яйцами, мускатным цветом и тертыми сухарями, после чего Даукус Карота выпрыгнул в окно, и его подданные последовали за ним. Фрейлейн Аннхен в ужасе упала возле блюда, на котором распластался ее бедный приправленный папаша: она сочла его мертвым, ибо он не подавал никаких признаков жизни» [4, с. 146]. Текст Хармса не позволяет читателю с определенностью решить, каким образом *М о р к о в ь* возвращается в родную почву: «юркнув прямо в землю» (как в сказке Гофмана) или пройдя через реторты пищеварительной «алхимии» *В с е х С ы н а*¹²?

Возвращение *М о р к о в и* в землю отмечено еще одним неологизмом: «Удаляюсь в край нетах» [1, т. 1, с. 205]. В составе слова *нетах* слух читателя различает подобие субстантивированной отрицательной частицы *нет*, но этому противоречит падежное окончание (ср. название новеллы С. Д. Кржижановского «Страна нетов» [1922]). Выскажем предположение, что другой составляющей двойственного эффекта Хармсова неологизма снова является каббала: седьмая из десяти сефирот, образующих Древо Жизни, носит имя *Нецах*, что переводится как ‘вечность’ или ‘победа’ (первое из значений составляет антонимическую пару ‘мигу’ в названии стихотворения и в его предпоследнем стихе: «Повторяю каждый миг. / Не сводите с неба книг. / Всё» [Там же, с. 206]). В 1927 г. Хармс перерисовывает в записную книжку каббалистическое Древо Жизни, и подписывает в соответствующем месте (правая нижняя сефира): *Нецах / Победа* [7, кн. 1, с. 139]. Если это предположение верно, «край нетах» (*Нецах*) перекликается со стихом «Голос дружит с иеговой» из реплики *В к у с а* («Добегу до глотки рьяно...»); в таком случае морковь съедается не только ради *увеселения крови*, но и для *укрепления поэтического голоса*.

¹¹ Мотив *спасения* в стихотворении («А я спасусь от пяти чувств / И от нашествия геометрических знаков») обретает и религиозные (мессианские) оттенки: благодаря ряду намеков и прямых указаний на новозаветную символику: «И плотник сам не ведает больших дел своего труда. / <...> спешу туда, / Где свет вгоняет гвозди в лоб»; «Христос однажды спас язычество / От нападения воздушных раков». В этом контексте *В с е х С ы н* может ассоциироваться с определением Христа как Сына Человеческого (в исходном, берущем начало в Ветхом Завете, смысле *сын человеческий* – *некто*, или *один из, любой*).

¹² Если верно высказанное В. Н. Сажиным в примечаниях предположение об аллюзии к Гофману в стихотворении 1936 г. «СОН двух черномазых ДАМ» [7, кн. 2, с. 338], то заслуживает быть отмеченным параллелизм двух финалов и профанация источника: «Золотой горшок» Гофмана оборачивается *ночным сосудом* («И вся литература русская в ночном горшке» [1, т. 1, с. 283]).

В коротком рассказе Хармса «Пассакалия № 1» (1937) персонаж по имени Лигудим¹³, у которого рассказчик надеется узнать «формулу построения несуществующих предметов», говорит: «Это не имеет формулы. Такими вещами можно пугать детей, но для нас это неинтересно. Мы не собиратели фантастических сюжетов. Нашему сердцу милы только бессмысленные поступки. Народное творчество и Гофман противны нам¹⁴. Частокол стоит между нами и подобными загадочными случаями» [1, т. 2, с. 126].

Хотя отношения Хармса с миром сказок Гофмана и носят характер отталкивания, а степень зашифрованности сближает их с предназначенной лишь для себя личной «тайнописью» [9], рассмотрение стихотворения «От знаков миг» в контексте сказки о невесте Короля Овощей не только частично проясняет темноты его семантики и его магическую прагматику, но и вносит, как представляется автору этой статьи, специфически-обэриутский штрих в картину русской литературной гофманианы (см.: [10]).

Список литературы

1. Хармс Д. И. Полн. собр. соч.: В 4 (1–3; 4, доп.) т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997–2001.
2. Хармс Д. И. Дней катыбр: Избранные стихотворения. Поэмы. Драматические сочинения / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Б. Мейлаха; подгот. текста М. Б. Мейлаха, В. И. Эрля. М.: Кайенна, Гилея, 1999.
3. Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. и с предисл. П. С. Когана. Т. 3: Серапионовы братья: Роман [6–8 отделения] / Пер. с нем. под ред. З. А. Вершининой. М.: Недра, 1929.
4. Немецкие волшебные-сатирические сказки / Подгот. изд. А. А. Морозова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972 (Сер. «Литературные памятники»).
5. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995 (Сер. «Современная западная русистика»).
6. Панова Л. Г. «Лапа» Даниила Хармса, или абсурд в квадрате. Статья 1. Общий дизайн пьесы // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2008. Jahrgang LIII. Heft 2. München: Verlag Otto Sagner. S. 301–316.
7. Хармс Д. И. Полн. собр. соч.: Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб.: Академический проект, 2002.
8. Ямпольский М. Б. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998.

---

¹³ О происхождении и значении имени Лигудима, а также о заключенной в нем семантике негации см.: [8, с. 29–32].

¹⁴ В академическом комментарии к строчкам о «речевом дебюте» моркови в сказке Гофмана («Меж тем, когда фрейлейн Аннхен убежала с огорода, ей вслед раздался довольно внятный смех, и если бы Аннхен была чуть повнимательнее, то непременно услышала бы тоненький голосок, который пищал: – Вытащи меня, вытащи меня, я созрел, созрел, созрел! Но, как уже сказано, она не обратила на это внимания» [4, с. 115]) говорится о его фольклорных истоках: «“Вытащи меня, вытащи меня...” – сказочный мотив, по-видимому, заимствованный из сборника братьев Grimm. В сказке “Госпожа Холле” из печи в пекарне слышится голос: “Ах, вытащи меня, ах, вытащи меня”; яблоня просит: “Ах, потряси меня, потряси меня, мы – яблоки – все уже созрели!”» [Там же, с. 209].

9. *Никитаев А. Т.* Тайнопись Даниила Хармса. Опыт дешифровки // Рисунки Хармса / Сост. Ю. С. Александров. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 237–247.

10. Русский круг Гофмана: Антология / Сост. Н. И. Лопатиной; при участии Д. В. Фомина. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009 .

I. E. Loshchilov

Novosibirsk, Russian Federation

**TALKING ROOT:
ATTEMPT OF INTERPRETATION OF THE D. I. KHARMS'S POEM
«AN INSTANT FROM SIGNS» (1931)**

This article analyzes the poem of Daniil Kharms «An Instant from Signs» («От знаков миг», 1931). The exotic plot of the poem associated with the tale of Ernst Theodor Amadeus Hoffmann «The Royal Bride» (1821), the hero of which, as in the poem by Kharms, is the magically animated carrots. Kharms takes the action to Soviet Russia and poetically transforms the plot of the German tale, based on the principles of reduction, inversion and diffusion.

Keywords: Hoffman, hoffmanniana, poetry, tale, plot, Kharms.

Loshchilov Igor E. – Candidate of Philology, PhD, researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyujskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation), loshch@yandex.ru